

УДК: 160.1

DOI: 0.15372/PS20250203

EDN: YOIYGU

В.В. Оглезнев

ВЗАИМООПРЕДЕЛИМОСТЬ ДЕОНТИЧЕСКИХ МОДАЛЬНОСТЕЙ В НЕЗАМКНУТЫХ НОРМАТИВНЫХ СИСТЕМАХ

Вопрос о модальности «разрешено» играет ключевую роль в деонтической логике и философии права, однако его рассмотрение долгое время оставалось на втором плане относительно более разработанных категорий «обязательно» и «запрещено». Причина такого невнимания объяснялась отчасти тем, что традиционно разрешение определялось как отсутствие запрета, что позволяло трактовать правовые системы как логически замкнутые: если действие не запрещено, оно считается разрешенным. Однако этот взгляд порождает ряд теоретических проблем и ограничивает возможности формального анализа нормативных систем. Во-первых, реальные правовые системы не всегда могут быть охарактеризованы как полные и непротиворечивые, в которых каждое действие либо запрещено, либо разрешено. В них могут существовать пробелы, неопределенности и коллизии правовых норм, обусловленные их динамическим развитием, а также различными уровнями нормотворчества. Во-вторых, сведение разрешения к отсутствию запрета не учитывает различие между слабым и сильным разрешениями. Слабое разрешение означает лишь отсутствие запрета, тогда как сильное предполагает наличие специальной нормы, прямо санкционирующей действие. В незамкнутых нормативных системах эти два вида разрешения не всегда совпадают, что ставит под сомнение принцип «все, что не запрещено, разрешено». Таким образом, исследование модальности «разрешено», особенно в незамкнутых нормативных системах, требует более сложного логического аппарата, чем традиционные системы деонтической логики, сфокусированные на взаимоопределимости «разрешено» и «запрещено», т.е. на понимании разрешения как отсутствия запрета.

Ключевые слова: разрешение; запрет; нормативная непротиворечивость; деонтическая логика; нормы права

V.V. Ogleznev**INTERDEFINABILITY OF DEONTIC MODALITIES
IN NON-CLOSED NORMATIVE SYSTEMS**

The question of the modality of “permitted” plays a key role in deontic logic and the philosophy of law, but it has long taken a second place compared to the more extensively developed categories of “obligatory” and “prohibited”. This lack of attention is partly due to the traditional definition of permission as an absence of prohibition, which allows legal systems to be treated as logically closed: if an action is not prohibited, it is permitted. However, this view gives rise to a number of theoretical problems and limits the possibilities of formal analysis of normative systems. First, real legal systems cannot always be considered as complete and consistent, in which each action is either prohibited or permitted. They may contain gaps, uncertainties and conflicts of legal norms due to their dynamic development, as well as the presence of multiple levels of norm creation. Second, equating permission with the absence of prohibition fails to account for the distinction between weak and strong permissions. Weak permission merely indicates the absence of prohibition, whereas strong permission presupposes the existence of a special norm that explicitly sanctions an action. In open normative systems, these two types of permission do not always coincide, which calls into question the principle of “everything that is not prohibited is permitted.” Thus, the study of the modality of “permitted,” especially in open normative systems, requires a more sophisticated logical framework than traditional deontic logic focused on the interdefinability of “permitted” and “prohibited,” that is, on understanding permission as the absence of prohibition.

Keywords: permission; prohibition; normative consistency; deontic logic; legal norms

Введение

Модальность «разрешено» (*P*) хотя и играет важную роль в построении нормативных систем, однако в деонтической логике не получила такого же развития, как «обязательно» (*O*) или «запрещено» (*F*). Это объясняется тем, что разрешение традиционно рассматривалось как отсутствие запрета. Действительно, деонтические операторы «обязательно» и «разрешено» можно определить следующим образом:

$Op \sim P \sim p$ (действие p обязательно, если и только если не- p не разрешено);

$Pp \sim O \sim p$ (действие p разрешено, если и только если не- p не обязательно).

При этом оператор «запрещено» может быть выражен как через отсутствие разрешения на определенное действие ($\sim Pp$), так и через обязанность не совершать это действие ($O \sim p$).

Двойственный характер разрешения и обязанности, который Г.Х. фон Вригт назвал взаимоопределимостью (interdefinability) [5, с. 246], позволяет сформулировать важный принцип для построения нормативных систем: все, что не запрещено, разрешено. Действительно, если принять тезис о взаимоопределимости P и O через отрицание, тогда любая нормативная система оказывается замкнутой, т.е. она не должна содержать пробелов: все возможные действия в ней либо разрешены, либо не разрешены (т.е. запрещены). Г.Х. фон Вригт трактовал этот принцип как «принцип позволения», имеющий форму $Pp \quad P \sim p$ [Там же], а К.Э. Альчуррон и Е.В. Булыгин, называя его «принципом запрета» и опираясь на правило замыкания (closure rule), определяли его следующим образом: «Для всех систем a , для всех действий p , для всех случаев q , если p не запрещено в q системой a , тогда p разрешено в q системой a » [1, с. 147].

В деонтической логике взаимоопределимость P и O действительно играла важную роль, поскольку обеспечивала валидность двух теорем, которые впоследствии получили широкое распространение в философии права как принцип нормативной непротиворечивости и принцип нормативной полноты. Согласно первому, т.е. $\sim(O \sim p \quad Pp)$, невозможно, чтобы одно и то же действие одновременно было запрещено и разрешено; согласно второму, т.е. $O \sim p \quad Pp$, каждое действие либо запрещено, либо разрешено.

Разрешение в незамкнутых нормативных системах

На основании этих принципов многие теоретики и философы права часто утверждали, что правовые системы (как разновидности нормативных систем) необходимо являются полными и непротиворечивыми, поскольку все действия, регулируемые нормами таких систем, по закону исключенного третьего либо разрешены, либо запре-

щены (т.е. не разрешены). Эта точка зрения основывалась на предположении, что разрешающие нормы имеют вторичный, подчиненный характер по отношению к запрещающим нормам. Отсюда делался вывод, что если отсутствует запрещающая норма, действие считается разрешенным. Например, если в нормативной системе *S* содержится норма, запрещающая курить на территории университета, то вопрос, действительно ли курение не разрешено или обязательно ли не курить, теряет смысл. В подобных системах разрешающие нормы представлялись избыточными, так как они не изменяли нормативный статус действия: если оно не запрещено, то считается разрешенным по умолчанию.

Однако против подобной редукционистской позиции можно выдвинуть по меньшей мере два возражения. Во-первых, совсем не очевидно, применимы ли принципы нормативной полноты и непротиворечивости, сформулированные для замкнутых нормативных систем, к реальным правовым системам [11, р. 137]. Это сомнение объясняется тем, что, как верно отмечает М.В. Антонов, «право нельзя характеризовать как логическую систему именно по причине его фактической неполноты, которая на практике заполняется индивидуальным правотворчеством» [2, с. 48]. Это особенно очевидно в иерархических нормативных системах с множественностью нормотворческих органов. В таких системах нормы динамически изменяются под воздействием нормативных актов, издаваемых органами разного уровня [3, с. 98]. Кроме того, в любой динамической системе неизбежно периодическое появление противоречий. Например, нет ничего удивительного в том, что при принятии нового нормативного кодекса между его нормами могут обнаруживаться явные или скрытые противоречия. Однако наличие в системе противоречий еще не означает, что невозможно ее непротиворечивое описание, конфликт норм (нормативное противоречие) отличается от противоречия двух высказываний (логическое противоречие). Главное условие построения таких систем состоит в том, чтобы нормативный статус регулируемых системой действий определялся не только обязывающими, но и разрешающими нормами [6, с. 138]. Причем роль последних даже более значима, поскольку она «не исчерпывается отменой предыдущих запретов: акт дозволения действия, которое до этого не было запрещено, вовсе не является таким бессмысленным, как предполагают те, кто отрицает важность дозволяющих норм» [3, с. 93]. Ведь если мы

предполагаем нормативную непротиворечивость правовой системы на основании взаимоопределимости деонтических операторов, мы никогда не сможем вывести одновременно $O\sim p$ и Pp , хотя юридическая практика говорит об обратном. Именно динамическая изменчивость и многоуровневость реальных правовых систем делают невозможным полное исключение нормативных конфликтов. Нет сомнений в том, что правовые системы содержат пробелы, противоречия или неопределенности, которые делают их не просто неидеальными, но «логически дефектными, подверженными неполноте и противоречивости» [10, р. 85].

Во-вторых, неясно, работает ли вообще взаимоопределимость P и O в правовых системах. Г.Х. фон Вригт отмечал, что взаимоопределимость O и F выглядит убедительнее, чем аналогичная связь между P и O или P и F [5, с. 250]. Действительно, обязанность не совершать определенное действие семантически эквивалентна запрету этого действия. Однако вопрос о том, является ли разрешение просто отсутствием запрета, гораздо сложнее, чем может показаться на первый взгляд. Отсутствие нормы, запрещающей действие p , не означает, что p разрешено. Вполне возможна ситуация, в которой действие p ни прямо не запрещено, ни явно не разрешено, что юристы называют пробелом в праве. Например, в (незамкнутой) правовой системе может отсутствовать норма, запрещающая или разрешающая использование искусственного интеллекта для вынесения судебных решений. Правовой статус такого действия будет оставаться неопределенным (неурегулированным) до тех пор, пока соответствующая норма не появится. Более того, даже если запрет p существует, он может не охватывать определенные случаи, когда p разрешается в качестве исключения [8, р. 110]. Так, запрет на въезд автомобиля в парк может не распространяться на машины скорой помощи, пожарные и полицейские автомобили.

Сильное и слабое разрешение

Основная проблема с применимостью взаимоопределимости деонтических операторов в контексте права заключается в том, что «разрешено» может пониматься по-разному: (1) как наличие нормы, разрешающей действие p , или (2) как отсутствие нормы, запрещающей

щей p . В первом случае можно сказать, что нормативная система S содержит норму Pp , тогда как во втором случае речь идет о нормативном предложении «В системе S действие p разрешено». Однако и это предложение может пониматься в двух смыслах: (1*) в нормативной системе S нет нормы, запрещающей p , или (2*) в нормативной системе S есть норма, прямо разрешающая p (т.е. не запрещающая p).

К.Э. Альчуррон и Е.В. Булыгин полагали, что концептуальное разграничение норм и нормативных предложений позволяет прояснить (а возможно, и устранить) двусмысленность модальности «разрешено» [1, с. 144]. Нормы представляют собой прескриптивные высказывания, используемые для предписания, разрешения или запрета определенных действий. Они не могут быть истинными или ложными, их можно лишь соблюдать или исполнять. В отличие от них, нормативные предложения являются дескриптивными высказываниями о существующих нормах, их содержании и предписаниях [4, с. 80]. Они указывают на то, что определенная норма является частью определенной нормативной системы. Или как говорил Г.Х. фон Вригт, «нормативные предложения могут быть использованы для обозначения утверждений о том, что имеются (даны или изложены) такие-то и такие-то нормы и правила» [5, с. 279]. Будучи дескриптивными, нормативные предложения могут быть истинными или ложными, но их нельзя соблюдать или нарушать, в отличие от самих норм.

Хотя это различие кажется очевидным, оно часто упускалось из виду, что приводило к путанице. Отчасти это связано с тем, что «и нормы, и нормативные предложения могут быть сформулированы в одинаковых выражениях» [3, с. 80]. Например, фраза «Курить на территории университета запрещено» может использоваться как для установления нормы (содержащейся в своде правил университета), так и просто для информирования о существующем запрете. На уровне норм взаимоопределимость деонтических модальностей через отрицание не вызывает затруднений: нормы «курить на территории университета запрещено», «курить на территории университета не разрешено» и «студенты и сотрудники университета обязаны не курить на территории университета» логически эквивалентны и означают одно и то же. Однако на уровне нормативных предложений с взаимоопределимостью возникают проблемы.

Рассмотрим два нормативных предложения: «В системе S действие p разрешено» и «В системе S действие p не разрешено». Видно,

что если второе утверждение означает, что p запрещено в S , оно не является логическим отрицанием первого, а скорее является отрицанием самой нормы, которую оно описывает. Такое отрицание К.Э. Альчуррон и Е.В. Булыгин предложили называть внутренним [1, с. 146]. Тогда как внешнее отрицание лишь указывает на отсутствие в системе S нормы, разрешающей p , что не подразумевает наличие запрета. Эти два типа отрицания можно формально выразить следующим образом.

$$\begin{array}{ll} \text{Внешнее отрицание:} & \sim F_s p =_{\text{df.}} Fp \quad S. \\ \text{Внутреннее отрицание:} & F_s p =_{\text{df.}} \sim Fp \quad S =_{\text{df.}} Pp \quad S. \end{array}$$

Из этих формулировок видно, что внешнее отрицание означает отсутствие запрета в системе S , тогда как внутреннее отрицание указывает на то, что система S явно содержит разрешающую норму. Однако проблема в том, что нормативное предложение «В системе S действие p не разрешено» может интерпретироваться двояко: оно может означать либо отсутствие нормы, разрешающей p , либо наличие нормы, запрещающей p . Это различие позволяет выделить два типа разрешения: слабое разрешение (weak permission), которое понимается просто как отсутствие запрета определенного действия, и сильное разрешение (strong permission) совершить определенное действие. Сильное разрешение выражается нормой, а слабое разрешение – нормативным предложением, что p разрешено, т.е. p явно не запрещено. Важным условием здесь является то, что для установления этого различия предполагается наличие множества норм. Тогда действие p разрешено, если из множества норм не выводимо то, что p запрещено. В таком случае аналитически следует, что если p не запрещено, то оно слабо разрешено. При сильном разрешении то, что p разрешено, должно быть явно выводимо. В этом случае не обязательно верно, что если невозможно вывести, что p запрещено, то оно разрешено. Такое разрешение зависит от существования норм, которые его прямо устанавливают.

Двусмысленность разрешения

Двусмысленность разрешения позволяет проследить одну интересную корреляцию: слабое разрешение соответствует внешнему отрицанию запрета, тогда как сильное разрешение соответствует внут-

ренному отрицанию запрета [10, р. 80–81]. Отсюда следует, что так называемый принцип запрета (все, что не запрещено, разрешено) будет логически допустимым только в том случае, если он интерпретируется как утверждение, что действие p , которое (сильно) не запрещено, слабо разрешено. Это верно в том смысле, что слабое разрешение определяется как отсутствие сильного разрешения. Однако этот принцип не будет логической истиной, если его понимать, как сильное разрешение [12, р. 327]. Таким образом, слабое разрешение является следствием отсутствия запрета, а сильное – результатом наличия позитивной нормы.

В классической деонтической логике принято считать, что обязанность имплицитно разрешает. То есть если действие обязательно, оно разрешено. Эта импликация основана на принципе нормативной непротиворечивости – $\sim(O\sim p \rightarrow Pp)$, поскольку ясно, что если норма разрешает p , она не может одновременно запрещать p . В случае же слабого разрешения импликация приводит к тривиальному выводу, что если p обязательно, то p не запрещено, значит, p разрешено. Однако такой вывод возможен только в случае нормативной непротиворечивости системы. В случае же незамкнутых систем то, что p обязательно, означает, что p слабо разрешено, но не то, что p сильно разрешено, потому что сильное разрешение требует наличия разрешительной нормы. То же самое с запретом: то, что p запрещено, означает, что p слабо не разрешено, но не то, что p сильно не разрешено, потому что p может явно разрешаться в качестве исключения. В некоторых областях права (например, в конституционном и административном праве) существуют случаи, когда действие обязательно, но не разрешено в сильном смысле. Например, должностное лицо обязано совершить определенные действия, но у него нет права совершать эти действия за пределами установленных процедур. В таких случаях Op не обязательно влечет сильное Pp .

Однако принципиальная сложность заключается в том, что сильное разрешение неопределимо через стандартную деонтическую взаимоопределимость. В частности, В. Кнапп утверждал, что если принять определение $Pp \sim O\sim p$, то логически невозможно выразить различие между сильным и слабым разрешением, поскольку из $\sim O\sim p$ вовсе не следует существование позитивной нормы, разрешающей p [9, р. 403]. При этом можно предположить, что слабое и сильное

разрешения не исключают друг друга: если действие строго разрешено, оно одновременно слабо разрешено, но обратное не всегда верно. Действие может быть слабо разрешено (при отсутствии явного запрета), не будучи при этом сильно разрешенным. Однако такое разграничение имеет смысл в замкнутых (непротиворечивых) системах.

Логическое отношение между сильным и слабым разрешениями можно попытаться представить как отношение субконтрарности аналогично тому, как отношение между обязанностью и запретом можно уподобить контрарности. Эта аналогия кажется уместной, поскольку утверждение о невозможности одновременной обязательности и запрещенности действия представляется разумным.

Обозначим сильное разрешение как $P_s p$, а слабое как $P_w p$, тогда

- (1) $P_s p \supset P_w p$;
- (2) $\sim(\sim P_s p \supset \sim P_w p)$.

Из (2) по закону де Моргана следует $P_s p \supset P_w p$. Это выражение означает, что хотя бы одно из разрешений имеет место. Тогда если мы принимаем $P_s p \supset P_w p$, то это эквивалентно $\sim P_s p \supset P_w p$. Применительно к замкнутым системам это означает, что если действие p сильно не разрешено, то оно обязательно слабо разрешено. Обратное не всегда верно: слабое разрешение не обязательно подразумевает строгое. В незамкнутых системах это превращается в необходимое, но недостаточное условие [7, с. 304]. Отсутствие строгого разрешения не ведет к запрету, но требует наличия слабого разрешения. Но это слабое разрешение может вытекать не из явных норм, а из отсутствия запрета. Таким образом, в незамкнутых системах сильное разрешение не сводится к слабому, поскольку не выражается через отсутствие запрета.

Заключение

Анализ взаимоопределимости трех деонтических операторов – «разрешено» (P), «обязательно» (O) или «запрещено» (F) показал, что традиционное понимание разрешения как отсутствия запрета не всегда применимо к правовым системам, которые характеризуются неполнотой и возможными нормативными противоречиями. Сомнения в применимости принципов нормативной полноты и непротиворечивости

к реальным правовым системам обусловлены тем, что право не является замкнутой логической системой. В таких системах возможно существование правовых пробелов, которые устраняются индивидуальным правотворчеством или применением. Кроме того, нормативные конфликты не всегда приводят к логическим противоречиям, а наличие разрешающих норм играет важную роль в определении нормативного статуса действий, выходя за рамки простого устранения запретов.

Взаимоопределимость P и O в праве работает не так очевидно, как взаимоопределимость O и F . Все дело в том, что разрешение может пониматься либо как наличие нормы, разрешающей действие (сильное разрешение), либо как отсутствие запрета на это действие (слабое разрешение). Это различие особенно важно для правовых систем, где принцип «все, что не запрещено, разрешено» работает лишь в определенных границах.

Таким образом, если в классической деонтической логике разрешение не требует явного нормативного основания, то в праве его существование зачастую обусловлено наличием разрешающей нормы. Это подтверждает, что правовые системы не сводятся к замкнутым логическим структурам, а обладают сложной динамической природой, в которой разрешительные нормы выполняют самостоятельную регулятивную функцию.

Литература

1. Альчуррон К.Э., Булыгин Е.В. Нормативные системы // «Нормативные системы» и другие работы по философии права и логике норм / Под ред. Е.Н. Лисанюк. СПб.: Изд-во С.-Петерб. ун-та, 2013. С. 44–210.
2. Антонов М.В. Теоретические альтернативы систематизации права (к логике нормативных систем) // Проблемы методологии и философии права / Под ред. С.Н. Касаткина. Самара: Изд-во Самар. гум. академии, 2014. С. 47–56.
3. Булыгин Е.В. Дозволяющие нормы и нормативные системы // Булыгин Е.В. Избранные работы по теории и философии права / Под ред. М.В. Антонова и Е.Н. Лисанюк. СПб.: Алеф-Пресс, 2016. С. 89–98.
4. Булыгин Е.В. Нормы и нормативные предложения: различие между ними и опасность их смешения // Булыгин Е.В. Избранные работы по теории и философии права / Под ред. М.В. Антонова и Е.Н. Лисанюк. СПб.: Алеф-Пресс, 2016. С. 80–88.

5. Вригт Г.Х., фон. О логике норм и действий // Вригт Г.Х., фон. Логико-философские исследования: Избранные труды. М.: Прогресс, 1986. С. 245–289.
6. Ковалевич О.С., Лисанюк Е.Н. К вопросу о роли позволений в логике норм и философии права // Логико-философские штудии. 2012. № 10. С. 134–140.
7. Оглезнев В.В. Системность как метод исследования права // Нормативность в праве: понятие, интерпретации, соотношение с другими правовыми свойствами / Под ред. И.И. Осветимской и Е.Г. Самохиной. СПб.: Скифия-принт, 2024. С. 296–313.
8. Boella G., Torre L., van der. Permissions and obligations in hierarchical normative systems // Proceedings of the 9th International Conference on Artificial Intelligence and Law. N.Y.: Association for Computer Machinery, 2003. P. 109–118.
9. Knapp V. Einige Probleme der deontischen Modalität “erlaubt” // Archiv für Rechts- und Sozialphilosophie. 1981. Vol. 67, No. 3. P. 397–406.
10. Navarro P.E., Rodríguez J.L. Deontic Logic and Legal Systems. N.Y.: Cambridge University Press, 2014.
11. Ratti G.B., Rodríguez J.L. On coherence as a formal property of normative systems // Revus. 2015. Vol. 27. P. 131–146.
12. Soeteman A. On legal gaps // Normative Systems in Legal and Moral Theory: Festschrift for Carlos E. Alchourrón and Eugenio Bulygin / Ed. by E. Garzón Caldes et al. Berlin: Duncker & Humblot, 1997. P. 323–332.

References

1. Alchourrón, C.E. & E.V. Bulygin. (2013). Normativnye sistemy [Normative systems]. In: E.N. Lisanyuk (Ed.). “Normativnye sistemy” i drugie raboty po filosofii prava i logike norm [“Normative Systems” and Other Works on the Philosophy of Law and the Logic of Norms]. St. Petersburg, St. Petersburg University Publ., 44–210. (In Russ.).
2. Antonov, M.V. (2014). Teoreticheskie alternativy sistemizatsii prava (k logike normativnykh sistem) [Theoretical alternatives to the systematization of law (on the logic of normative systems)]. In: S.N. Kasatkin (Ed.). Problemy metodologii i filosofii prava [Problems of Methodology and Philosophy of Law]. Samara, Samara Humanitarian Academy Publ., 47–56.
3. Bulygin, E.V. (2016). Dozvol'yayushchie normy i normativnye sistemy [Permissive norms and normative systems]. In: E.V. Bulygin; M.V. Antonov & E.N. Lisanyuk (Eds.). Izbrannye raboty po teorii i filosofii prava [Selected Writing in Theory and Philosophy of Law]. St. Petersburg, Alef-Press Publ., 89–98. (In Russ.).
4. Bulygin, E.V. (2016). Normy i normativnye predlozheniya: razlichie mezhdumimi i opasnost ikh smesheniya [Norms and normative proposals: difference between them and danger to mix them up]. In: E.V. Bulygin; M.V. Antonov & E.N. Lisanyuk (Eds.). Izbrannye raboty po teorii i filosofii prava [Selected Writing in Theory and Philosophy of Law]. St. Petersburg, Alef-Press Publ., 80–88. (In Russ.).

5. *Wright, G.H. von.* (1986). О логике норм и деystвии [On the logic of norms and actions]. In: G.H. von Wright. *Logiko-filosofskie issledovaniya: Izbrannye trudy* [Logico-Philosophical Investigations: Selected Works]. Moscow, Progress Publ., 245–289. (In Russ.).
6. *Kovalevich, O.S. & E.N. Lisanyuk* (2012). К вопросу о роли позволений в логике норм и философии права [On the role of permissions in the logic of norms and the philosophy of law]. *Logiko-filosofskie shtudii* [Logico-Philosophical Studies], 10, 134–140.
7. *Ogleznev, V.V.* (2024). Системность как метод исследования права [Systematicity as a method for studying law]. In: I.I. Osvetinskaya & E.G. Samokhina (Eds.). *Normativnost v prave: ponyatie, interpretatsii, sootnoshenie s durgimi pravovymi svoystvami* [Normativity in Law: Concept, Interpretations, and Relationship with Other Legal Properties]. St. Petersburg, Skifiya-print Publ., 296–313.
8. *Boella, G. & L. van der Torre.* (2003). Permissions and obligations in hierarchical normative systems. In: *Proceedings of the 9th International Conference on Artificial Intelligence and Law*. New York, Association for Computer Machinery, 109–118.
9. *Knapp, V.* (1981). Einige Probleme der deontischen Modalität “erlaubt”. *Archiv für Rechts- und Sozialphilosophie*, Vol. 67, No. 3, 397–406.
10. *Navarro, P.E. & J.L. Rodríguez.* (2014). *Deontic Logic and Legal Systems*. New York, Cambridge University Press.
11. *Ratti, G.B. & J.L. Rodríguez.* (2015). On coherence as a formal property of normative systems. *Revus*, 27, 131–146.
12. *Soeteman, A.* (1997). On legal gaps. In: E. Garzón Caldes et al. (Eds.). *Normative Systems in Legal and Moral Theory: Festschrift for Carlos E. Alchourrón and Eugenio Bulgin*. Berlin, Duncker & Humblot, 323–332.

Информация об авторе

Оглезнев Виталий Васильевич – Национальный исследовательский Томский государственный университет (634050, Томск, просп. Ленина, 36); Горно-Алтайский государственный университет (649000, Горно-Алтайск, ул. Ленкина, 1).
ogleznev82@mail.ru

Information about the author

Ogleznev, Vitaly Vasilyevich – National Research Tomsk State University (36, Lenin Ave., Tomsk, 634050, Russia); Gorno-Altai State University (1, Lenkin St., Gorno-Altai, 649000, Russia).
ogleznev82@mail.ru

Дата поступления 30.04.2025.
Принята к публикации 23.05.2025.